

Бакланова Ирина Семеновна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Московский государственный
технический университет гражданской авиации»

г. Москва

ЭМИГРАНТСКИЕ АВТОРЫ ОБ ОЦЕНКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАРОНА Р.Ф. УНГЕРНА ФОН ШТЕРНБЕРГА В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОМ ДВИЖЕНИИ

***Аннотация:** в статье рассматриваются точки зрения эмигрантских авторов относительно оценки личности и деятельности генерала Р.Ф. Унгерна фон Штернберга в Восточном анклаве Белого движения. Особое внимание уделяется мнению генералов П.Н. Врангеля, А.П. Будберга, есаула А.С. Макеева.*

***Ключевые слова:** литература русской эмиграции, Гражданская война, барон Унгерн фон Штернберг, оценка деятельности.*

В современной отечественной историографии неоднократно отмечалось то большое значение, которое наследие русских эмигрантов (прежде всего, представителей так называемой «первой волны» эмиграции) имеет для дела изучения проблематики Гражданской войны [см., например: 1, с. 25, 48–49]. Указанные авторы, работая над мемуарными, мемуарно-исследовательскими, или даже сугубо исследовательскими трудами, как правило, не ставили перед собой далеко идущие цели – дать «исчерпывающее описание» всех «перипетий» Гражданской войны [4, с. 5]. (Некоторые считали данную задачу попросту невыполнимой) [7, с. 5]. Тем не менее, они сформулировали основные проблемы изучения указанного периода, причем, часто высказывали по тем или иным вопросам достаточно оригинальные суждения [1, с. 137, 140].

Председатель конституционно-демократической партии, видный российский ученый, являвшийся представителем исторической школы Московского университета, П.Н. Милюков, уже в 1927 г. дал свое понимание причин поражения Белого дела, причислив к числу таковых, «недостаточно искусное военное

руководство» [6, с. 6]. В данной связи представляется правомерной постановка вопроса о командном составе антибольшевистских сил, в том числе, и в Восточном анклаве Белого движения, где, по свидетельству очевидцев, ощущался значительный недостаток офицерских кадров [7, с. 51]. Одним из командиров указанных вооруженных формирований (в конечном итоге получившее наименование Азиатской конной дивизии) являлся барон Р.Ф. Унгерн фон Штернберг. Генерал-лейтенант П.Н. Врангель, возглавлявший в годы Первой мировой войны 1-й Нерчинский казачий полк, в котором сначала подъесаулом, а затем и есаулом, служил указанный деятель, назвал его даже «несравненно» более интересным типом, нежели числившийся подъесаулом в этом же полку будущий атаман Г.М. Семенов [3, с. 12, 13].

Р.Ф. Унгерн происходил из древнего дворянского рода «лифляндских помещиков» [3, с. 13]. По свидетельству его бывшего адъютанта, есаула А.С. Макеева, данный род был известен еще со времен Атилы, и из него вышло много воинов, участвовавших в значимых исторических событиях [5, с. 9]. Уже в раннем детстве Роман Федорович в силу семейных обстоятельств оказался «предоставленным самому себе». Точно неизвестно, какие именно факторы повлияли на формирование отпрыска древней фамилии, но, вышла, по мнению барона П.Н. Врангеля, сложная и противоречивая личность. С одной стороны, невероятная тяга к «экстриму» – войне, путешествиям, приключениям, сопровождавшаяся полным отсутствием требований к элементарному комфорту. Р.Ф. Унгерн даже на службе в Нерчинском полку, по воспоминаниям генерала П.Н. Врангеля, ходил «оборванный и грязный», спал всегда на полу среди казаков своей сотни и питался из общего котла. В то же время это был человек необыкновенной храбрости. Только за первый год Мировой войны Р.Ф. Унгерн был ранен четыре раза и награжден орденом Святого Георгия, Георгиевским оружием, представлен к чину есаула. С другой стороны, несмотря на «оригинальный и острый ум», барон, на взгляд П.Н. Врангеля, поражал отсутствием культуры и узостью кругозора. Был не способен к «размеренной» деятельности: «с превеликим трудом» окончил военное училище и не мог существовать в рамках «мирной

полковой жизни». Да и вообще, по характеристике П.Н. Врангеля, Р.Ф. Унгерн скорее был «типом партизана-любителя, а не офицером «в общепринятом» смысле этого слова – не знал ни уставов, ни основных правил военной службы, «грешил» против воинской дисциплины и воспитания. К тому же обладал «необузданной вспыльчивостью» [3, с. 12, 13]. А.С. Макеев утверждал, что простых людей, прежде всего солдат, барон «карал» крайне редко. Однако нетерпимый к чужому мнению, начальник Азиатской конной дивизии мог «наказывать», о чем свидетельствуют приведенные указанным автором примеры, в частности, и за попытки «поучений» в свой адрес или даже за стремление облегчить чью-либо судьбу. Что же касается учиненных им казней, то они часто поражали шокирующей жестокостью [5, с. 6, 27, 28].

По мнению генерала П.Н. Врангеля, в силу всего сказанного выше, личность барона Р.Ф. Унгерна оказалась адекватна «русской смуте» начала XX века, и он должен был, хотя бы временно, быть «выброшен на гребень волны» [3, с. 14]. Тем более что, как писал А.С. Макеев, барон «искренне болел душою» за порабощаемую большевиками Россию [5, с. 5]. Однако служить в Белую армию адмирала А.В. Врангеля Р.Ф. Унгерн не пошел. Он стоял во главе своего собственного отряда, позднее – Азиатской конной дивизии. По свидетельству генерал-лейтенанта, барона А.П. Будберга, Роман Федорович продолжал и в годы Гражданской войны жить «нищим анахоретом», но при этом чиня расправу над населением подвластной территории [2, с. 310, 279].

В эмигрантской литературе неоднократно указывалось, что огромный вред Белому делу в Сибири причиняла так называемая «атаманщина», которая в работах некоторых авторов ассоциировалась с периодом средневековья [см., например: 7, с. 23]. По мнению генерала А.П. Будберга, в условиях, когда следовало объединиться во имя общей победы, «большинство» мужчин призывного возраста предпочитало лучше «болтаться» у атаманов, чем служить в Белой армии. В данной связи, как отмечал Алексей Павлович, барона Р.Ф. Унгерна от других атаманов все же отличали храбрость и бескорыстие [2, с. 241, 279].

Таким образом, в эмигрантской литературе накоплен определенный опыт исследования темы. Но для дальнейших изысканий в области указанной проблематики необходимо расширение источниковой базы, привлечение к анализу точек зрения отечественных и зарубежных авторов.

Список литературы

1. Бордюгов Г.А. Белое дело: идеология, основы, режимы власти: Историко-графические очерки / Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков, В.Ю. Чураков. – М.: Русский мир, 1998. – 320 с.
2. Будберг А. Дневник // Архив Русской Революции. – Т. XIII. – Берлин, 1924. – С. 197–312.
3. Врангель П.Н. Записки (Ноябрь 1916 г. – Ноябрь 1920 г.) // Белое Дело. – Т. V. – Берлин, [1928]. – С. 6–312.
4. Зайцов А.А. 1918 год: Очерки по истории Русской гражданской войны. – [Б.м.], 1934. – 275.
5. Макеев А.С. Бог войны – барон Унгерн. Воспоминания бывшего адъютанта начальника Азиатской конной дивизии. – Шанхай: Книгоизд-во А.П. Малай и В.П. Кашкина, 1934. – 142 с.
6. Милюков П. Россия на переломе: Большевистский период русской революции. Т. 2. – Париж, 1927. – 281 с.
7. Филатьев Д.В. Катастрофа белого движения в Сибири 1918–1922. Впечатления очевидца. – Paris: YMCA-PRESS, 1985. – 142 с.